

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА МАРФИНЬКИ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА “ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ”

А. А. Романович
БГПУ (Минск)

Науч. рук. – Т. В. Данилович, канд. филолог. наук, доц.

Аннотация. Статья посвящена своеобразию художественного воплощения образа Марфиньки в романе В. Набокова “Приглашение на казнь”. Рассматривается роль имени героини в создании ее образа. Раскрываются связанные с ней хронотоп, образы-символы. Осмысливается отношение главного героя к Марфиньке. Анализируются её портретная и речевая характеристики.

Ключевые слова: женские образы; портрет; речь персонажа; художественная деталь; цветосимволика.

В романе В. Набокова “Приглашение на казнь” – одном из наиболее загадочных и интересных произведений русской литературы XX в. – значимую роль играют женские образы и прежде всего – образ Марфиньки, являющейся предметом любви и мучений, самых счастливых и самых тяжелых воспоминаний главного героя, Цинцинната. Многообразны художественные приемы, способствующие созданию образа героини.

Важное значение для понимания образа Марфиньки имеет среда ее обитания. Марфинька изображается как жительница двух миров, один из которых – город прозрачных людей, а другой – живописные Тамарины Сады. Марфинька в равной степени оказывается своей и в мире горожан-призраков, и в подлинной реальности, создаваемой воображением Цинцинната. Наверное, этим обусловлено сочетание в ее внешности, поведении, речи деталей, противоположных по восприятию.

То, что героиня принадлежит не только к убогому окружающему миру, но и является спутницей главного героя в идеальном инобытии, акцентируется с помощью цветосимволики. Синий цвет в романе ассоциируется с внутренним миром Цинцинната. Марфинька приносит мужу в камеру васильки, о которых еще говорится “синий букет”, “синие цветы”. При этом в разговоре с Цинциннатом она замечает о васильках: *“Я, знаешь, их сама собирала, маков не люблю, а вот эти – прелесть”* [1, с. 364]. О цвете маков не упоминается в романе, но наверняка для большинства их образ связан прежде всего с красным цветом. Последний часто появляется в эпизодах, где речь идет о казни героя: *“вам наденут красный цилиндр”* [1, с. 257], *“руководитель казнью – в красных лосинах”* [1, с. 350], *“боль расставания будет красная, громкая”* [1, с. 360], *“виден был лишь самый край темно-красного помоста”* [1, с. 365].

Особой смысловой нагрузкой обладает имя героини, которое упоминается в романе только в уменьшительно-ласкательной форме, что указывает на трепетное, теплое отношение к ней Цинцинната и оттеняет ее детскость. Согласуется с ролью Марфиньки в жизни главного героя и само значение ее имени, образованного от др. евр. “госпожа”, “хозяйка”. Образ героини господствует в мыслях Цинцинната,

который, оказавшись в тюрьме, жаждет свидания с женой, надеется пробудить в ней сострадание – проявление того живого начала, настоящих человеческих чувств, которых лишены жители города.

Существенное внимание Набоков уделяет описанию внешнего облика героини: *“блестящий лоб с детской выпуклостью”* [1, с. 257], *“круглоглазая”, “редкие брови вверх, высоко над круглыми карими глазами”* [1, с. 257], *“пухлый подбородок”* [1, с. 263], *“тонкокожие обезьяньи уши, которые прячутся под прядями чудных женских волос”* [1, с. 329], *“короткие пальцы с белыми пятнышками на ногтях”* [1, с. 362], *“ноги в белых чулках и бархатная туфелька”* [1, с. 261], *“черное платье с бархаткой вокруг белой холодной шеи”* [1, с. 303], *“коралловые серёжки”* [1, с. 281] и др. Внешность Марфиньки создается с помощью деталей не только визуального характера, но и обонятельных и осязательных образов: *“мягкая сливочной белизны шея”* [1, с. 257]; *“хотелось бы сейчас воспроизвести её такой, совсем новенькой и еще твёрдой, – а потом постепенное смягчение, – и складочка между щекой и шеей, когда она поворачивала голову ко мне, уже потеплевшая”* [1, с. 281], *“мягкая, смешная, тёплая”* [1, с. 282], *“розовые поцелуи со вкусом лесной земляники”* [1, с. 261] и др. Эти детали позволяют глубже понять отношение Цинцинната к Марфиньке, силу его чувств, оттенить поэтичность его природы. Кроме того, они оживляют образ героини. Наряду с подобными деталями, портрет Марфиньки дополняется и штрихами, создающими противоположный эффект, подчеркивающими ее кукольность: *“кукольный румянец”, “холодная грудь”, “продолговатые, чудно отшлифованные слёзы”,* которые на вкус оказываются не солеными и не сладкими, подобно комнатной воде. Это отражает бездушность и внутреннюю пустоту героини, что подтверждается прежде всего ее безразличием к участи Цинцинната. В дополнение к этому можно вспомнить эпизод, когда Марфинька приказывает сыну: *“Оставь моментально кошку, ты одну вчера уже задушил, нельзя же каждый день”* [1, с. 306]. Из чего следует, что в поведении сына она не видит ничего предосудительного, если так он будет поступать с другой периодичностью: душить кошек, например, через день.

Марфинька вызывает ассоциации не только с говорящей куклой. К образу героини Набоков привязывает и такие образы-символы, как паук и яблоня.

Паук, которого подкармливает Родион, бережно оставляя при уборке камеры паутину нетронутой, – символ серости, безликости окружающего мира, который так же безжалостен по отношению к непрозрачным людям, как паук по отношению к своей жертве. Если Цинциннат ассоциируется с образом бабочки, то его жена сравнивается в романе с пауком: *“бархатный паук, похожий чем-то на Марфиньку”* [1, с. 264]; *“вверху, там где начиналась пологая впадина окна, упитанный черный зверек нашел опорные точки для первоклассной паутины с той же сметливостью, которую выказывала Марфинька, когда в непригоднейшем с виду углу находила, где и как развесить бельё для сушки”* [1, с. 315].

Особые смысловые нюансы привносит в образ Марфиньки и образ-символ яблони. С одной стороны яблоня символизирует вечность, цельность и плодородие, а с другой стороны, её плод является символом искушения, соблазна, грехопадения. Отсылка к ветхозаветной истории о райском яблоке угадывается в следующем описании героини: *“поползли слёзы, змеясь по ямкам яблочко румяных щёк”* [1, с. 363] [курсив мой. – А. Р.]. Упоминаются в романе и такие детали: героиня говорит, что *“на яблоню лазила”* [1, с. 363] или *“Марфинька, сидя в ветвях бесплодной яблони, махала платочком”* [1, с. 373]. Набоков не случайно подчеркивает, что героиня сидела в ветвях *“бесплодной яблони”*. Кажется бы, понятие бесплодность не связано с Марфинькой-матерью двоих детей. Но ее бесплодность не физического, а духовного характера. Важны и такие детали: дети Марфиньки не являются детьми Цинцинната и имеют физические недостатки (*“Мальчик был хром и зол; тупая тучная девочка – почти слепа”* [1, с. 263]). Это призвано оттенить внутреннюю ущербность и уродство самой героини. Однако, понимая, что мир Марфиньки соткан из простых частиц, или как пирог, испечён абсолютно для всех: для неё самой, для Цинцинната, для других, герой всё равно продолжает любить её *“безысходно, гибельно, непоправимо”* [1, с. 282], не оставляет попыток достучаться до её души.

Значимой составляющей образа Марфиньки становится её речь. Когда героиня изображается в Тамариных Садах, её манера говорения характеризуется Цинциннатом как *“лепет Марфиньки”* – одна из милых деталей образа любимого человека. Иначе воспринимаются её беззастенчивые признания в собственных изменах: *“А Марфинька нынче сиять это делала”* [1, с. 263]; *“Нам очень стыдно, что нас видели”* [1, с. 282] и т.д. Говорение о себе от третьего лица придает ощущение искусственности, деланности ее словам, как и звучащее в конце последней встречи с мужем неуместно-игривое *“плящай, плящай”*.

Палитра художественных средств, используемых для создания образа Марфиньки, позволяет достичь выразительности его обрисовки, раскрыть двойственность смыслового наполнения героини, которая принадлежит и к числу тех, кого Цинциннат называет жалким подобием людей, и в то же время романтизируется героем, оказываясь его спутницей в Тамариных Садах.

Литература

1. Набоков, В. В. Истребление тиранов: избр. проза / В. В. Набоков. – Минск : Маст. лит., 1989. – 640 с.